

¹⁰³ *Серебров С.Н.* Народный ислам и проблемы социального развития (на примере южнойеменской провинции Хадрамаут) // Ислам и проблемы междивизиационных взаимодействий. М., 1994. С. 257–258.

¹⁰⁴ *Серебров С.Н.* Традиционная социальная стратификация. С. 151.

¹⁰⁵ *Бурдьё П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 17–18.

S.N. A b a s h i n. Descendants of saints in modern Central Asia

This articles concerns the specific class of descendants of Moslem saints in Central Asia («white bone»). Representatives of this class play as before a prominent role in modern society and form a significant portion of its political, economic and intellectual elite. The preservation of the old positions by the saints' descendants is connected today not so much with their sacred descend as with the social-psychological qualities which have been nourished within the class through many centuries.

© 2001 г., ЭО, № 4

П.И. Тахнаева

ХРИСТИАНСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ЮЖНЫХ АВАРЦЕВ (ОБЩЕСТВО АНДАЛАЛ)

Христианское наследие в истории народов Северного Кавказа – хорошо известный и твердо установленный по источникам факт. Однако до сих пор за некоторыми исключениями (Л.И. Лавров, Т.М. Айтберов) этнографы не проявляли должного интереса к проблемам, касающимся христианских корней народной культуры. Историей христианства у аварцев занимались в основном археологи (Д.М. Атаев, В.И. Марковин и некоторые другие).

Советские этнографы изучали по преимуществу языческое наследие в культурах горцев, а в постсоветское время ученые обращаются главным образом к исламскому прошлому и настоящему в жизни дагестанцев. Христианский пласт в истории и этнографии аварцев, как и других народов Дагестана, остается за пределами внимания исследователей.

В настоящей статье автор предпринимает попытку реконструкции политической истории и этнической культуры южных аварцев (андалальцев) периода христианизации Нагорного Дагестана. С этой целью были собраны и проанализированы материалы по археологии, этнографии, эпиграфике, социолингвистике и др. Впервые вводятся в научный оборот этнографические и лингвистические сведения, собранные автором в горах Дагестана во время полевых исследований (июль–август 2000 г.).

По нижнему течению Кара-Койсу в позднесредневековый период (середина XIV в.) был известен один из мощных аварских союзов сельских общин – Андалал. В исторической хронике «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи (X–XIV вв.) в числе различных сведений содержится информация о том, что это название союз получил в результате добровольного принятия ислама. Прежде же союз назывался Вицху и объединял селения Чох, Согратль, Обох, Мегеб, Гамсутль, Ругуджа, Кудали, Кегер, Салта, Кода, Гуниб, Хоточ, Гонода, Хиндах¹.

Район мало исследован археологами, однако по известным им материалам, датируемым IX–XIII вв., на территории, занимаемой этим союзом, отчетливо прослеживаются следы христианства. Археолог Д.М. Атаев считал вероятным бытование

христианства в этом районе вплоть до XIV–XV вв.² Таким образом, мусульманскому Андалалу предшествовал христианский Вицху.

В 1956 г. В.Г. Котович склонен был считать христианским одно из нескольких раскопанных им погребений на хуторе Унсоколо с. Ругуджи. Материалы погребений были им датированы IX–X вв. по аналогии с погребениями нижнего яруса Урадинского и Галлинского могильников, известных как памятники христианской культуры. Обнаруженное христианское захоронение (с ориентацией запад–восток) В.Г. Котович связывал с распространением христианства среди части населения, полагая, что в этом могильнике, подобно Галлинскому, есть следы одновременного существования языческих и христианских культов³.

В 1971 г. в 2 км к западу от с. Кудали, в местности Агада у стен средневековой крепости (XI–XIII вв.) было обнаружено женское погребение (косяк лежал на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища, ступни вместе). Погребальный обряд носил признаки смешения языческих и христианских элементов. Языческий пласт обряда характеризуют различные предметы, «сопровождавшие» покойницу: небольшой красноглиняный кувшин, поставленный у головы справа, маленькая миска, покрытая зеленой поливой с левой стороны, маленький красноглиняный туалетный сосудик около правой руки. На груди был обнаружен бронзовый нательный крест. Обильные женские украшения, сопровождавшие погребение, как и другие предметы, сходны с материалами Галлинского, Ирибского, Цурибского, Ортоколинского могильников XI–XII вв.⁴

В XIII–XIV вв. в Аварии в результате слияния нескольких мелких тухумных поселений возникали сравнительно крупные села. Об этом свидетельствуют развалины заброшенных древних селений вблизи большинства современных сел, а также предания об их объединении в одно целое и обильный подъемный археологический материал⁵. Так, по преданию, в Андалале, в селение Сагульма переселились жители селений Шулалух, Рослаад, Бихних-Ребиль, Хугариб, Кьетхириб, Хичиб, Билух (Саадул КъулгIа), ХIодоб, ХамизгIалил рочон, Гергил гохI, Сурачух ребиль⁶. Новообразованное село получило название Чох.

Позднее автор средневековой хроники «История Ирхана» (XIV в.) назовет всю эту территорию «область Чаххал», очертив ее границы по признаку конфессиональной принадлежности ее обитателей: «...жители области Чаххал – христиане»⁷. Название одного из поселений «области Чаххал» – Гергиль гохI, (авар. «Холм Георгия») можно считать дополнительным подтверждением этого определения.

В самом с. Чох сохранилось немного памятников христианской культуры. В 1914 г. Л.П. Млокосевич обнаружил здесь равноконечный христианский крест⁸. В 1941 г. А.Н. Генко нашел в этом селении христианскую надпись⁹. Столь незначительное количество памятников христианской культуры объясняется тем, что в середине XIX в. в период Кавказской войны с. Чох, так же как и близлежащее с. Согратль, неоднократно подвергалось разрушениям.

В старой части с. Ругуджа в кладке стен одного из домов обнаружен камень с древнегрузинской надписью: «Крест Христа, святой Георгий, помилуй Дадхъви и его детей». Она была переведена Т.Е. Гудавой и палеографическим методом датирована XIV–XV вв.¹⁰ Надпись представляет собой фрагмент поминального текста с типичной для него формулой. В данном случае (как это бывало и в других формулах) во вступлении названо имя святого, к которому обращено поминание. Обычно эти святые являлись покровителями тех фамилий, от имени которых составлялись поминания¹¹. Находка эта не случайна: предание об образовании с. Ругуджа повествует, что его основатели прежде жили в 12 селениях, расположенных вокруг нынешней Ругуджи. Вплоть до 1860-х годов в старой части села дом на вершине холма был известен как христианская церковь. Жители селения называли его гьатIан рокъ, что по-аварски значит «дом-церковь», «церковный дом». Этот уникальный памятник архитектуры пока еще не стал предметом специального исследования¹². Фрагменты резных камней с отчетливым изображением равноконечных христианских крестов

встречаются также в кладках стен многих жилых зданий в старой части селения.

Жилой дом, в стене которого обнаружен камень с надписью, сильно перестроен. Однако в кладке его стен в разных местах сохранились орнаментированные фрагменты резных камней, некогда украшавших его фасад или интерьер. Особенно примечательны среди них фрагменты с орнаментом ленточного типа, которые П.М. Дебиров датирует XI–XII вв. и относит к памятникам христианской культуры.

На территории Андалала (селения Согратль, Корода, Телетль, Ругуджа, Чох-Комуна, Шитлиб, Маштаколо, Дусрах, Унты) обнаружена группа однотипных памятников (частью фрагментами) – это резные камни строго определенной формы, украшенные ленточным орнаментом, аналогичные тому камню, что встроен в стену «церковного дома» в с. Ругуджа.

Схема орнаментальной композиции этих плит хорошо представлена в одном из реконструированных памятников с. Согратль. В общую композицию входит дискообразная фигура, образованная из нескольких концентрических кругов. Круги соединяются друг с другом с помощью орнаментальной ленты. Половина дискообразной фигуры выходит за линию верхнего основания трапециевидной плиты. Вся остальная поверхность плиты покрыта плотной сетью «плетенки»¹³. По утверждению П.М. Дебирова, местных корней этого орнаментального мотива обнаружить не удалось. Будучи привнесен извне, в дальнейшем этот орнамент не получил в Аварии ни особого развития, ни широкого распространения¹⁴.

Ленточный орнамент и «плетенка», характерные только для этой группы памятников резного камня, составляют главный элемент грузинского и армянского ленточного орнамента: известны многие параллели среди архитектурного декора грузинских храмов X–XII вв. – Салхино, Схиери, Бедиа, Сатхе, Кабени, Саорбиси и др.¹⁵ Исследователи грузинского архитектурного орнамента Н. Чубинашвили, Р.О. Шмерлинг, Н. Аладашвили относят появление и распространение в грузинском искусстве мотива ленты с двумя желобками к X–XI вв. По мнению Р.О. Шмерлинга, алтарные преграды, украшенные плетеным орнаментом, приближающимся к архитектурной резьбе, относятся к XII–XIII вв.¹⁶

П.М. Дебиров датировал обследованные им плиты временем не ранее XI–XII вв. Прямые аналогии по технике исполнения и орнаментике с памятниками грузинской храмовой архитектуры позволяют рассматривать эту группу памятников как фрагменты украшений фасада или интерьера церквей (возможно, алтарных преград), существовавших на территории христианского Вицху – позднейшего Андалала.

Любопытны упоминания о двух церквях на территории Андалала. Одно из них принадлежит путешественнику XIX в. И. Иосселиани, который в 1862 г. сообщал об «остатках древней христианской церкви» в с. Гамсутль¹⁷. По сообщению краеведа М. Ахдуханова, еще в 1970-е годы в этом селе в кладке стены жилого дома на уровне второго этажа отчетливо просматривались выбитые на камне изображения трех крестов. В настоящее время село заброшено и сильно разрушено. Обнаружить упоминаемое здание нам не удалось. Однако на одном из них в поздней кладке фасадной стены мечети, в которую, по бытовавшей в горах традиции, были уложены фрагменты орнаментированных резных камней, снабженных надписями, отчетливо видно изображение христианского креста.

В с. Накказух известна местность «ГьалГамалъух». «ГьалГам» – так на местном диалекте звучит аварское «гьатГан», т.е. церковь; следовательно, название местности звучит как «у церкви». По словам местных жителей, еще в 1990-х годах здесь можно было видеть остатки церковных стен, которые были разобраны в последнее десятилетие для хозяйственных построек. Они были сложены из хорошо обработанных камней песчаника и скреплены известковым раствором. Подобную кладку имеет Датунская церковь, датируемая XI в. (расположенная на расстоянии одного дня пешего пути от Накказуха). По рассказам самих старожилов, церковь однажды была сожжена и разрушена, затем вновь восстановлена (в кладке стен встречаются

прокаленные камни, со следами сильного пожара), а еще в 1930-х годах можно было увидеть колокол, который позднее, в пылу атеистических рвений, был спущен в пропасть. Длительное время к руинам церкви сохранялось традиционное почтительное отношение – это место считалось святилищем. Во время засухи здесь собирались женщины и совершали обряд вызывания дождя.

По мнению Д.М. Атаева, христианство бытовало на территории Аварии вплоть до первой трети XIV в.¹⁸ В грузинской хронике XIV в. перечислены христианские центры Северного Кавказа, подчиненные грузинскому патриарху – католикосу Евфимию, в их числе «...церковь народа Хундзи» и «...храмы в Анцухе»¹⁹. «Церковь народа Хундзи» существовала на Хунзахском плато. Здесь в средневековый период был известный христианский центр Нагорного Дагестана. В синодике XIV в. одного из грузинских монастырей (Евангелие Магалашвили) упоминается хунзахский епископ Окропири (груз. «златоуст») ²⁰. Совпадение ареала разнообразных памятников христианской культуры с ареалом четко локализуемых на карте христианских церквей (как грузинского, так и местного происхождения – в местности Тадраал, села Амитль, Датун, Заиб), обнаруженных на Хунзахском плато, неслучайно. Все это позволяет предположить, что определенная территория на Хунзахском плато к XIV в. включалась в Хундзскую (Хунзахскую) епархию.

Памятники христианской культуры, известные на территории домусульманского Андалала – Вицху, в свою очередь позволяют высказать предположение не только о проникновении христианства на его территорию, но и об его некоторой укорененности. В частности, об этом свидетельствует монументальный характер памятников – сооружение церквей требует значительных затрат, а наличие эпитафии предполагает определенную религиозную подготовку и грамотность населения. Возможно, христианский Вицху организационно не входил в иерархическую структуру Грузинской православной церкви, непосредственно подчиняясь юрисдикции Хунзахской епархии.

В дагестанских селах сохранились предания, согласно которым расположенные около них многочисленные городища и поселения были в древности заселены христианами, которых именуют либо «армянами», либо «грузинами»²¹. Это, на наш взгляд, очень важная деталь: по мнению Н.Я. Марра, в XIII в. в Закавказье термин «грузин» имел конфессиональное значение, обозначая всех исповедовавших греко-православную веру²².

Ближайшим к Аварии центром христианской культуры в древности была Эрети (ГьеретГи, Цор, Цоро-нах), которая в начале XI в. вошла в состав Кахетии. Отсюда издавна велась пропаганда христианства. В течение почти трех веков в Эрети господствовала Армянско-григорианская церковь: с начала VII в., когда произошел религиозный раздел между Арменией и Картли и когда Эрети поддержала армянское религиозное течение – монофизитство, до X в. В тот период в Эрети и Албании велась бескомпромиссная борьба между халкедонизмом и монофизитством. К середине X в. победителем из этой борьбы вышел халкедонизм, что означало победу в Эрети грузинской государственности и соответственно грузинской православной церкви²³.

Так называемые армяне, о которых повествуется в горских преданиях, на наш взгляд, не кто иные, как местные христиане. В Андалале только в с. Чох известно предание о неких предках-«армянах», в котором по всей вероятности, нашло отражение воспоминание о наиболее раннем (до X в.) проникновении сюда христианства в форме монофизитского толка – по всей вероятности, из Эрети.

Из Эрети во Внутренний Дагестан и далее в с. Хунзах вело несколько путей. Один из них начинался в г. Шеки, далее через села Хнов и Ахты выходил в самурскую долину, откуда несколькими путями можно было добраться через с. Хосрех в с. Кумух, далее, через земли Андалала – на Хунзахское плато. Другой путь шел по долине р. Курмухчай, через села Кахи, Илису, Сарыбаш, а затем в села Гельмец, Лучек, Ихрек, Аракул, Хосрех, отсюда в с. Кумух и далее в Аварию. Третий путь, так называемая лекетская дорога, был известен с VIII в. (упомянут в грузинском историческом сочинении «Матиане Картлиса»). Он начинался от с. Джар в Закаталах, шел через

аваро-дахурские села Тала, Мухах, Чардахлу, Сабунчи, Калял, а затем через горы в лакский Кумух. Отсюда главное направление «лекетской дороги» шло на юг – через села Акуша, Башлы и Великент к Дербенту, а одно из второстепенных направлений вело через территорию Андалала в Хунзах²⁴.

Таким образом, все известные пути из Эрети выводили в лакский Кумух, и уже далее путь на Хунзах пролегал через земли Андалала. Неслучайно на одном из отрезков этого древнего пути, в лакских селениях Хосрех, Кули, Сумбатль, Вачи, Кая, Кумух также бытуют предания о предках «армянах». На одном из отрезков прослеживаемого пути в с. Вачи обнаружен фрагмент камня с древнегрузинской надписью, которая палеографическим методом датируется X в. Эта находка позволяет обозначить время, когда закончилось проникновение в эти края монофизитского влияния²⁵.

В другом селении Андалала – в с. Согратль, расположенном неподалеку от с. Чох, существует предание, согласно которому его основателями были «грузины»; и название поселения Митлиб местная легенда тоже возводит к имени «грузина» Митли, проживавшего здесь. В 3 км от него расположена местность Гургиль-раГала («Вершина Георгия»)²⁶. Она якобы принадлежала другому «грузину» – Георгию. Здесь, по сообщению краеведа М. Газичилова, сохранились остатки оборонительной крепости с круглой башней и подземными переходами.

Историк и краевед М. Ахдуханов проанализировал по надгробным плитам сельского кладбища генеалогии мусульманских семей и определил 17 поколений согратлинцев. Исходя из расчета 25–30 лет на одно поколение, время принятия ислама можно отнести к концу XIV в. Эта дата допустима для определения времени, когда бытование христианства в этих краях пресекалось.

По местным преданиям, территория сел Бацада, Унти, Шулани и Куллаб с прилегающими хуторами называлась *Гуржихъльи* – букв. «грузинство». На старых кладбищах этих сел известны христианские захоронения и многочисленные изображения крестов²⁷. Наиболее ярким и совершенно не исследованным памятником христианской культуры этого общества является *зиярат* (священное захоронение), известный под именем «Могила Тамары», расположенный на гребне горы, километрах в 10–15 от этих сел. Зиярат – это принадлежность мусульманского культа, по нынешний день служит местом поклонения мусульман. Однако к нему совершают паломничество жители окрестных сел для исполнения древних магических обрядов чаще всего с целью вызывания дождя, исцеления людей, исполнения желаний.

При общем осмотре заметно, что зиярат перестраивался или подновлялся. В кладке стены, в нижнем ярусе сохранился камень с изображением креста св. Нины – грузинской миссионерки, жившей в IV в. Он представляет собой равноконечный христианский крест, «перечеркнутый» по диагонали другим крестом (по преданию, св. Нина соорудила крест из двух веточек виноградной лозы, перевязав их по диагонали своими волосами). Его присутствие на могиле некоей Тамары, пользующейся большим почитанием у окрестных сел, объединенных общим названием Гуржихъльи, позволяет нам с большой долей уверенности предположить, что здесь похоронена христианская миссионерка. Позднее ее захоронение было переосмыслено как мусульманская святыня.

Проникновение ислама в Вицху традиционно объясняют возрастающим влиянием Кумуха. О сопротивлении горцев новой религии свидетельствуют предания. Одно из них – об образовании аула Чох, которое связывают с арабским миссионером Абу-Муслимом – популярным на Северо-Восточном Кавказе герое исламских легенд. Средневековые дагестанские хроники («Дарбэнд-наме», «Тарих Аби Муслим», «Тарих Дагестан», «Ахты-наме», «Хунзах-наме») и устные предания приписывают ему распространение ислама в Дагестане и Чечне. По легенде, Абу-Муслим 12 раз приводил чохцев к исламу и столько же раз чохцы возвращались к своей вере. Такая же история повторилась и с ругуджинцами: они убили миссионера, посланного Абу-Муслимом, и отказались от ислама. Тогда Абу-Муслим приказал чохцам, которые уже

смирились и приняли ислам, выделить из своей среды знатных людей и послать их в Ругуджу, чтобы склонить ругуджинцев к новой вере. Чохцы послали двух стариков, но и они были убиты. Тогда чохцы объявили тревогу и пошли на Ругуджу. Произошел бой, в результате которого ругуджинцы покорились и приняли ислам. В благодарность и в память об этих событиях чохцы получили от Абу-Муслима белое знамя с медным навершием и саблю. Чохцы ежегодно весной, на праздник первой борозды и в день Ураза-байрама выносили эти реликвии из мечети и выходили на дорогу, ведущую на Ругуджу. У околицы муэдзин трижды произносил: *ла илаха илла-л-лахи* – и потрясал саблей, обращаясь в сторону Ругуджи. Этот обряд сопровождался разбиванием глиняных горшков, которые аульский глашатай сбрасывал с крыши, а все собравшиеся в это время бросали в них камни. Эти действия трактовались так: ругуджинцы покорились только мечу, который крошил их, а камни, бросаемые в горшки, – это проклятия жителям Ругуджи²⁸. Обряд сопровождался просьбой муэдзина ко Всевышнему дать чохцам обильный урожай, а христиан лишить его. Таким причудливым образом трансформировался обряд, закрепивший память о бывших конфликтах чохцев с ругуджинцами, позже них принявшими ислам. Обряд просуществовал вплоть до коллективизации²⁹.

По преданию, первого проповедника ислама, присланного из Кумуха в с. Согратль, местные жители убили³⁰. Надгробная стела кумухского миссионера была обследована А.Е. Криштопой. По его описанию, она была выполнена в так называемом шамхальском стиле, надпись на ней гласила: «Смерть истина, жизнь обман»³¹. Ссылаясь на А.А. Иванова, который относит наиболее ранние стелы с декором названного стиля и с подобным изречением к 80-м годам XIV в. А.Е. Криштопа именно этим временем определяет примерную дату описанного инцидента, вскоре после которого, согласно преданию, согратлинцы приняли ислам.

В конце XIV в. начались разорительные походы Тимура на Грузию, приведшие ее к сильному упадку. Нашествия Тимура 1395–1396 г., разорившие равнинный и частично внутренний Дагестан, не затронули основной территории Аварского и Кумухского владений, где успел уже утвердиться ислам. В совпадении этих событий можно усматривать успех проникновения ислама в бассейн р. Кара-Койсу.

В 1435 г. ислам, распространяемый из Кумуха, утвердился в обществе Карах³², в 1475 г. – в Гидатле³³. Вицху, расположенный примерно посередине между двумя этими обществами, был исламизирован в период между двумя этими датами, т.е. около середины XV в. Распад Грузинского царства произошел в 1466 г. Это положило конец поддержке с его стороны христианской религии в Дагестане (что в конечном итоге и определило исчезновение там христианства). Следовательно, конец XIV – начало XV в. можно определить как период провозглашения ислама в Вицху господствующей религией.

«Тарихи Дагестан» сообщает, что после принятия ислама «...селения Вицху были обложены *джизьей* (подушной податью) только в размере одного с каждого селения в год назначения шамхала за то, что они добровольно приняли ислам»³⁴. В 1646–1647 гг. кумухские князья – *эмиры* освобождают жителей Вицху от *хараджа* (налог на имущество), уплачивавшегося быками. После этого общество Вицху стало называться именем Андалал. Этимология слова до сих пор научно не установлена³⁵.

Примечания

¹ «Тарих Дагестан» Мухаммадрафи // Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 96.

² Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963. С. 206.

³ Отчет о работе горного отряда Дагестанской археологической экспедиции в 1956 г. // Рукописный фонд Дагестанского краеведческого музея.

⁴ Магомедов М., Маммаев М. Кудалинская крепость // Сов. Дагестан. 1971. № 6. С. 74–75.

⁵ История Дагестана. Махачкала, 1996. С. 267.

⁶ Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 116.

- ⁷ «История Ирхана» // Дагестанские исторические сочинения. М., 1996. С. 166.
- ⁸ Атаев Д.М. Указ. раб. С. 206.
- ⁹ Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение // Тр. II сессии ассоциации арабистов. М.: Л., 1941. С. 100.
- ¹⁰ Атаев Д.М. Указ. раб. С. 206.
- ¹¹ Эпиграфические памятники Сванетии X–XVIII вв. Тбилиси, 1988. С. 70–75.
- ¹² Материальная культура аварцев. С. 115–116.
- ¹³ Дебилов П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966. С. 124.
- ¹⁴ Там же. С. 22.
- ¹⁵ Шмерлинг Р.О. Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954. С. 37, 41–43; *его же*. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962. С. 178.
- ¹⁶ Яковлев Н.Ф. Новое в изучении Северного Кавказа // Новый Восток. 1924. № 5. С. 246.
- ¹⁷ Иоселиани И. Путевые заметки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862. С. 36.
- ¹⁸ Атаев Д.М. Указ. раб. С. 211.
- ¹⁹ Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22. Тифлис, 1897. С. 48–50.
- ²⁰ Кекелидзе К.С. К истории грузинской культуры в эпоху монгольского господства // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 2. Тбилиси, 1945. С. 318–319 (на груз. яз.); также см. Атаев Д.М. Указ. раб. С. 211.
- ²¹ Магомедов Р.М. Дагестан. Исторические этюды. Вып. 2. Махачкала, 1975. С. 244–263.
- ²² См.: Мурадян П.М. Грузинская эпиграфика Армении. Ереван, 1977. С. 281.
- ²³ Папуашвили Т.Г. Вопросы истории Эрети: Очерки истории по социально-экономической и политической истории (с древнейших времен до первой четверти XII в.). Тбилиси, 1971. С. 19–21.
- ²⁴ Айтберов Т.М. Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала, 1990. С. 37.
- ²⁵ Исаков М. Материалы к археологической карте Дагестана. Махачкала, 1966. С. 67 (табл. 10).
- ²⁶ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. Махачкала, 1977. С. 37.
- ²⁷ Гусейнов М.М. История с. Бацада. Махачкала, 1993. С. 5.
- ²⁸ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. С. 31–32.
- ²⁹ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 5–7.
- ³⁰ Магомедов Р.М. По аулам Дагестана. С. 38.
- ³¹ Криштопа А.Е. Политическая история Дагестана во второй половине XIV – начале XV вв. Деп. № 36965. М.: ИНИОН, 1989. С. 27.
- ³² Шихсидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане. VII–XV вв. Махачкала, 1969. С. 209.
- ³³ Там же. С. 208.
- ³⁴ Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. С. 96. Джизья. Харадж.
- ³⁵ Айтберов Т.М. Институт главного наследственного кади в политической системе Андалала конца XVI – первой половины XVIII в. // Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 7.

P. I. T a k h n a y e v a. Christian heritage in the history and culture of the southern Avar people (Andalal society)

Christianity of the Orthodox trend that was widespread among the southern Avar people (Andalals) in the late 1st – early 2nd millenium A.C. is an indication of the relations of Daghestan with medieval Georgia. This fact is important for the reconstruction of the political history and ethnic culture of Daghestan. The article makes use of the already known archaeological and epigraphic data as well as those of ethnography and linguistic that are introduced into scientific circulation for the first time. Studies in these sources bring to the fore the problem of origin of local ethnonyms. The article suggests a new classification of the periods of development decay of the Christian culture and political history of the southern Avar people.